

РОМАН О ПАМЯТИ
И ПОИСКЕ СВОЕГО
ГОЛОСА

АНЕМОЙЯ

МОСКВА
СОЧИ
НИЖНИЙ
НОВГОРОД

ОНА ИСКАЛА ОТЦА,
А НАШЛА СОБСТВЕННЫЙ
ГОЛОС...

ИНГА
ЦОХОНИС

Инга Цохонис

Анемойя

<https://litres.ru/74119196>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Агнес наполнена музыкой и фильмами из молодости ее отца, но не им самим. После развода родителей она с ним почти не общалась. Порой ей кажется, что она ностальгирует по тому, чего у них не было: по совместным прогулкам, спорам, душевным разговорам. Узнав о его смерти, Агнес отправляется в дорогу, чтобы привезти прах домой. Что, если по-настоящему узнать отца она может только после его смерти?

Особенности текста.

Роман исследует феномен анемойи — ностальгии по времени, в котором не жил.

Дорога служит для главной героини терапией, а попутчики — психологами, каждый из которых помогает ей понять себя и признать право на свои несовершенства и неудачи.

Роман поднимает такие проблемы, как противопоставление реальности и фантазии, проживание утраты, поиск своего голоса среди потока других голосов, взросление и принятие себя.

Эпиграфом к каждой главе служит отрывок песни, которая служит ключом к пониманию истории. По ссылке можно послушать общий плейлист — саундтрек возвращения к себе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Инга Цохонис

Анемойя

Глава 1

I can't seem to face up to the facts
I'm tense and nervous, and I can't relax
I can't sleep 'cause my bed's on fire
Don't touch me, I'm a real live wire
Psycho Killer — Talking Heads

Я опустилаь на пол. Пластырь на ободранном колене хоть и прикрывал рану, но как только я соприкоснулась с холодным, сырым и вонючим кафелем, боль будто прострелила ногу. Все из-за тебя! Чертыхаясь, я собирала с пола то, что осталось от отца. Часть праха склеилась в комочки, часть прилипла к рукам и забилаь под ногти. Будешь должен за маникюр! Уборщица застыла в дверях и наблюдала, как я возилась под раковиной и что-то бормотала себе под нос. Наверняка подумала, что я свихнулась. Она была недалеко от истины. Можно ли считать, что ты сбрендила, если слышишь, как папаша над тобой смеется, пока ты ползаешь по полу туалета какой-то заправки? Что ж, все не так плохо, пока ты не начала стряпать куличики из песка смерти. А ведь еще несколько дней назад жизнь казалась нормальной. Да,

я занималась самобичеванием и преисполнялась жалостью к себе, но, по крайней мере, это была привычная рутина без призраков и галлюцинаций (называйте как хотите, я и сама не определилась).

Без предупреждения, без сообщений в Telegram — на экране телефона высветился входящий от мамы. Если она не присылает астрологический прогноз на день, не делится мемами, а сразу звонит... Что-то серьезное!

— Доча, ты дома?

— Да, кофе вот завариваю, а что? — Я налила еще одну порцию воды в дрип-пакет. Глубокий вздох залил трубку. Молчание. Еще один вдох и выдох.

— Ваш отец, он уехал в Сочи с дядей Гариком — как обычно, не сиделось им на месте, хотели на новой машине Гарика прокатиться с ветерком. В казино сходить, как будто денег навалом... В общем, умер он. — Выпалила мама.

— Кто умер? Дядя Гарик? — Рука зависла над столом с зажатым чайником. Тонкая струйка кипятка наполняла чашку. Пар доносил аромат свежего кофе.

— Отец, — мамин голос будто молотком забил это слово. Четко. Одним ударом.

— М-м-м...

— Кому-то надо туда поехать, забрать тело, привезти домой, похоронить... Я не могу. Я просто... — Казалось, что она вот-вот расплачется, но вместо этого, проглотив двой-

ную порцию воздуха, мама продолжила раздавать указания: — Я не могу поехать, мне надо подготовить тут все, муж все же, ну, то есть бывший, конечно, неважно, в общем. Вы с братом должны привезти его домой, больше некому. Там, конечно, Гарик, но он не родственник...

— Как все произошло? Что случилось-то? — Слова автоматически выходили изо рта и с каждой буквой приобретали все более насыщенный оттенок бессмысленности.

— Сердечный приступ. Нужно на месте подписать бумагу, что мы отказываемся от вскрытия по религиозным соображениям или еще из-за чего-то. Господи, да и какая уже к черту разница! Меньше пить надо было!

— Мамо, ты постарайся успокоиться... Ай, черт! — Горячая вода убегала через края чашки и темным потоком лилась со стола мне на ногу. Я схватилась за салфетки, плотным слоем накрыла то, что должно было стать второй чашкой кофе на сегодня. Еще одной салфеткой протерла ногу.

— Что там у тебя?

— Ничего, все ок. Я о тебе беспокоюсь... — Я перешла в зал, рухнула на диван.

— Я спокойна, этого стоило ожидать, никто меня никогда не слушает! Я не дозвонилась до Яниса: как всегда занят. Договорись с ним. — Она больше не вздыхала, только четко и сухо проговаривала фразы.

— Ты не хочешь сама ему сообщить? — тихо, даже робко, спросила я.

— Ты его сестра, он твое имя произнес раньше, чем «мама» — будет лучше, если ты сама до него дозвонишься. Мне нужно идти. Надо, наверное, позвонить в похоронное бюро — или куда там обычно звонят? — всех пригласить, поминки назначить, кафе забронировать...

— Хорошо, я позвоню ему. Ты точно в порядке? — Почему-то у меня не было сомнений, что она справится: наверняка даже успеет сходить в салон красоты, освежить окрашивание волос, сделать маникюр, чтобы на похоронах выглядеть «прилично».

— Да. Мне пора, пишите, как что, мне нужно будет понимать по дате погребения. Все, пока.

Я положила телефон на стол. Несколько раз прокрутила в голове наш разговор. Как у нее получается даже в ТАКОЙ ситуации четко мыслить, раскладывать задачи, все и всех организовывать? Мама была из тех людей, которым стоит только войти в комнату — и они тут же занимают собой все пространство, все внимание сосредотачивается на них. При этом она невысокого роста, размер одежды всегда в пределах М. С ней бесполезно спорить: она всегда права. Но при этом, несмотря на внешнюю жесткость и бескомпромиссность, она накрывала нас пледом своей заботы. Такой плед мог немного покалывать — ведь настоящая шерсть всегда чуточку колючая. Порой могли появляться даже искры — какая же настоящая любовь без электричества, особенно если это любовь к детям? Большая маленькая женщина с нескончаемым заря-

дом эмоций.

Я встала с дивана. Подошла к окну. На подоконнике спала Му. Ее шерсть нагрелась от солнца, и, похоже, ей это нравилось. Я уткнулась в этот теплый комочек нежности носом. Поездка в Сочи. Он умер. Он. Отец. Умер. Сочи. Эти слова будто не имели между собой ничего общего — и все же умудрялись образовать фразу, с которой и придется начать разговор с братом, пусть мы в последние годы и отделились на расстояние «Привет, как дела, нормально, пока».

«Бумс, перезвони мне срочно. Это важно». — Отличный текст, чтобы вызвать приступ тревожности.

Удалила. Переписала.

«Бумс, у меня плохие новости, перезвони мне». — Ну, а как еще сказать, чтобы без спойлеров?!

Я не питала надежды, что брат быстро прочитает и ответит. И не придумала ничего лучше, как собрать вещи и пойти на тренировку. Сидеть дома не было сил, да и говорить сейчас с кем-то не очень хотелось. В каком-то я смысле даже радовалась, что Янис сразу не ответил. Кое-как завязала волосы в подобие хвоста, нырнула в кроссовки и вышла на улицу. В плейлисте по традиции была зажигательная музыка восьмидесятых. *She's maniac, maniac on the floor, la la la*. Я старательно создавала видимость, что это обычный день, переключала треки — так незаметно и оказалась на пороге женской раздевалки фитнес-клуба.

В этот день я выбрала «горячую растяжку», чтобы на-

верняка сбросить весь адреналин. Тому, кто придумал эту систему для тренировок, я готова кланяться в ноги! Температура +36°C, влажность 40%. Это как тренироваться в хамаме: жарко, потно, но потом выходишь с полнейшим ощущением легкости и даже благодарности себе. Забавное дело: благодарность к себе появляется только после того, как отмучаешься. Не припоминаю, чтобы я была благодарна себе, когда поем. И уж тем более я не скажу себе спасибо, если съем десерт. Не-е-ет, на такие случаи у меня припасен классический сеанс самобичевания по несколько заходов с приседаниями.

Занятие подошло закончилось, но экран телефона все еще оставался без уведомлений о пропущенных звонках или хотя бы сообщений. Сначала контрастный душ, потом разговоры! С ватными ногами я поплелась освежиться. Самая приятная часть тренировок. Позвонить по дороге? Или дойти сначала домой? Нет, о таком на ходу не рассказывают, а вдруг он за рулем? Тогда сначала спрошу, где он. Но сначала домой. Отец уже точно никуда не денется. Щелк. Будто память вдруг начала возвращаться. Он умер. Умер он. У-М-Е-Р.

На автомате я промокнула кожу полотенцем, оделась и вышла на улицу. Я попыталась что-то почувствовать. «Может, это отрицание?» — мелькнуло в голове. Эмоции представляли собой слабый черный чай, будто пакетик опустили пару раз в воду и поспешно вытащили, и он только сделал, что придал воде слегка мутный вид. Да, я соображала, что отца

больше нет, но внутри было пусто, никакого вкуса: ни горечи, ни радости — ничего. Ничего не изменилось. Этот пакетик можно было и не портить, а просто выпить горячей воды.

Я брела домой. Снова погрузилась в музыку и фантазии, тщательно иллюстрируя себе каждую песню. Преимущество быть безработной — никакие чаты тебя не отвлекают. Можно с головой уйти в страдательные песни или, наоборот, представлять себя крутой сильной женщиной под нетленки Дженнифер Лопес. Пока ощущаешь асфальт под ногами, темп, пока есть план дойти из точки А в точку В, кажется, что все возможно. Я заткнула уши от внешнего мира. Я не слышала мир, мир не слышал меня, а может, так я пыталась не слушать себя. Зачем вообще себя слушать, когда только и делаешь, что ругаешь себя?

Ноги привели к местной кофейне. Я всегда пью черный кофе. **НЕНАВИЖУ АМЕРИКАНО.** Только фильтр. Традиционно нужно несколько раз отвергнуть предложения бариста: нет, латте я не хочу, спасибо, без молока, и без альтернативного тоже, сироп не нужен. Я самый скучный посетитель кофейен, на моем кофе сердечек не нарисуеть.

Мне самый бессердечный черный кофе!

Поглощение кофе — еще один ритуал, во время которого мне удастся ненадолго заземлиться и почувствовать какой-никакой намек на спокойствие. Хотя бы это я могу сделать без упрека себе. Взгляд зацепился за выпечку и сырники в меню. Запах реакции Майяра кружил голову. В уме на-

чался подсчет калорий, которые еще доступны для употребления. Да и к черту! Сегодня — можно!

Я вздрогнула — голос Siri в наушниках вышвырнул меня из музыкальных фантазий. На экране телефона появилось долгожданное имя: «Янис».

— Привет, ватрушка. Сорри, у нас сегодня открытие выставки, я весь в мыле. Что-то случилось? — Теплый, родной голос, по которому всегда скучаешь, — и который же может тебя разозлить так, что метание посуды о стену покажется самым спокойным ответом.

— Бумс, ты сейчас можешь куда-то отойти, чтобы спокойно поговорить? — Я старалась не нагнетать, но ничего лучше не придумала.

— Да все ок, я как раз в переговорку зашел. Так, что случилось-то? С тобой все ок? — Сколько бы я ни злилась, что у него не хватает на меня времени, что-то в этих словах брата заставляло меня оттаять и вновь поверить, что все может быть как раньше — с еженедельными походами в музей, завтраками в центре города, разговорами обо всем и сразу.

— Я? Да, со мной все норм. Отец, он... ты ведь знаешь, что он с дядей Гариком в Сочи поехал? То ли отдохнуть, то ли дела у них были — как обычно, их не поймешь. Дядя Гарик маме и позвонил... — я споткнулась на этой фразе. Слова будто не хотели выходить изо рта.

— И? Агнес, что он сказал?

— Инфаркт. Отец умер. Прости, я не знала, как мягче ска-

зять. Мама не дозвонилась до тебя, попросила меня. — Показалось, что ком подкатил к горлу. Показалось.

— Пу-пу-пу...

— Янис, ты как? — Идиотский вопрос.

— Не знаю. Странно, нормально, наверное... — Я услышала знакомые нотки замешательства. Хотя они с отцом в какой-то момент жизни были более близки. Если купание в младенчестве и пару походов на охоту можно считать близостью.

— Слушай, мама не сможет поехать. Она попросила нас забрать... его и привезти, чтобы похоронить. — Наконец-то я это сказала. Какое облегчение — все всё знают. В стаканчике еще оставался кофе, я жадно отхлебнула. — Давай я посмотрю билеты в Сочи на сегодняшний вечер, ты сможешь вырваться?

— Да, сейчас закончу дела и заскочу домой за одеждой. Напиши, когда возьмешь билеты, я заеду за тобой и поедем в аэропорт. — Брат держался спокойно, даже как-то по-деловому. Я вспомнила маму и ее реакцию. Похожи.

Будет ли кто-то его оплакивать? Неужели нам все равно? Мама любила повторять фразу: «Гены пальцем не раздавишь». В основном она звучала, если мама хотела меня задеть, показать, что я похожа на отца. Но если их «не раздавишь», почему мы их не чувствуем? Где слезы? Где тоска? Где скорбь? Или это она и есть? Такое тихое, невзрачное начало, прелюдия, а потом всех накроет лавиной, которая сво-

ей мощью снесет все защитные механизмы психики... И мы наконец увидим самих себя. Настоящими.

Очень хотелось позвонить моему Мистеру Дарси. Я поняла, что люблю его, в тот день, когда не стала стирать постельное белье после его ухода. Не сразу пробилась через его внешнюю сдержанность, которая создавала имидж холодного, максимально рассудительного мужчины. Он никогда не тратил время на социальные сети с бесконечными селфи и фотографиями еды — за это отвечала я. И если говорить честно, мне больше подходил образ Бриджит Джонс, чем Элизабет Беннет. Только рядом с ним я впервые научилась чувствовать, каково это — жить, видеть своими глазами, а не через камеру смартфона. Даже к своей внешности начала относиться спокойнее. До полного принятия было еще далеко, но я уже могла пройти мимо него в трусах и футболке, не переживая, что он заметит какие-то изъяны моего тела.

Наша любовь — как хлеб, простая и настоящая, а еще от нее не толстеешь. Оставалось самое сложное — не испортить все. А в этом у меня большой опыт. Периодами становилось очень тревожно, страх потерять наши отношения доходил до абсурда. Рой мыслей, жуткие кошмары с концом света, зомби-апокалипсисом и ядерными взрывами.

Я зашла домой. Кинула рюкзак на пол. Нажала на кнопку вызова в телефоне. Все, чего я тогда хотела, — уткнуться ему в грудь и почувствовать, что я не одна.

— Алло. — Тихий голос: он наверняка не успел выныр-

нуть из опен-спейса.

— Прости, что отвлекаю. Просто очень хотела услышать тебя. — Удивительно, но я почувствовало что-то напоминающее слезы. Теплые капельки медленно катились по щекам, по которым еще недавно стекал пот. Пот и слезы. Теплые и соленые. Почти одно и то же. Неужели мое тело плачет потом, когда я его изнуряю бесконечными тренировками?! На мгновение мне захотелось пожалеть себя и обнять. Обессиленная, я села на пол в коридоре. Му уже была рядом и уткнулась мне в бок.

— Что случилось? Агнес, с тобой все хорошо? — Судя по звукам на заднем плане, он встал со стула и вышел в коридор.

— Не знаю... Отец умер, — выпалила я, не в силах пересказывать историю про поездку в Сочи и дядю Гарика. Услышав свой голос со стороны, поняла, что звучу раздраженно. — Прости, просто не знаю, как на это все реагировать. — Я закусила губу, чтобы переключить свое внимание в тело.

— Уфф, я сейчас отпрошусь с работы и приеду домой. — Просто и понятно. То, что я хотела услышать. Несколько уверенных слов. Обещание, от которого веяло заботой и поддержкой.

Наши отношения — это лучшее в моей жизни. Но лучшее ли в его? Я почти не рассказывала ему про отца, про бывшего мужа. Про мужа, если быть честной, он вообще не знал. Слишком много мыслей на сегодня. Я снова включила музыку в наушниках и легла на прохладный пол. Подумаю об

этом завтра.

Глава 2

My father was a gamblin' man
Down in New Orleans
Now the only thing a gambler needs
Is a suitcase and a trunk
And the only time he's satisfied
Is when he's on a drum
House of the Rising Sun — The Animals

Полчаса спустя, две чашки кофе и два билета Москва – Сочи наконец-то вернулся с работы мой Мистер Дарси. Едва щелкнул дверной замок, я и моя кошка Му ринулись к двери. Она не очень любит людей, но, как и я, не смогла устоять перед Мистером Дарси. Мне не хотелось ничего объяснять, только уткнуться ему под мышку и уснуть. В квартире стоял густой запах кофе и жареного хлеба, шторы плотно закрывали окна — у солнца не было ни единого шанса пробраться в комнату.

— Ну-ну, ты что-нибудь ела, кроме тостов и кофе? — Мистер Дарси крепко меня обнял и начал гладить по голове. Это был самый эффективный способ меня успокоить — проверено годами практики. — А почему шторы?.. Хотя, неважно. Расскажешь, что случилось?

Я с усилием отцепилась от него и прислонилась к стене:
— Фух... С чего бы начать... Итак, краткая сводка ново-

стей: отец умер от инфаркта в Сочи, мама в подробности не вдавалась. Нам с Янисом надо сегодня вылететь, разобраться там со всем, чтобы привезти его в Нижний Новгород, ну, и похоронить...

Когда я произнесла эту фразу вслух, показалось, будто я что-то придумываю: что за бред, какие похороны? Странное ощущение: я все понимала, у меня не было истерики, я не рвала на себе волосы — и все же моя психика отчаянно не хотела принимать эту новую реальность, где отца больше нет, как и нет надежды, что он когда-то сможет стать тем самым отцом, который нужен девушке, женщине... Отцом, который был нужен мне.

Идеальный отец — какой он? Где-то вообще есть такой экземпляр, за исключением рекламы с «майонезными семьями»? Даже в мои любимых книгах про приключения Муми-Тролля папа порой ведет себя эгоистично, будто забывая, что, кроме его желаний, есть еще потребности близких. Чего только стоит его неожиданное решение тащить всех жить на маяк в книге «Папа и море»! Муми-мама там после всех злоключений не находит ничего лучше, как уйти в стену, на которой сама же нарисовала прекрасный сад. Только когда вырастешь, начинаешь понимать, что даже муми-тролли совершали ошибки. Возможно, это и делало их такими настоящими, в отличие от «майонезных семей». Мне не нужен был идеальный отец. Мне нужен был живой.

В памяти сверкнуло воспоминание из детства. Сцена из

душевой после занятий плаванием в бассейне. В лучших традициях Стивена Кинга — вот только в российских душевых тогда не было автоматов с женскими прокладками и тампонами, так что закидывать меня было нечем. Вместо этого девочки, имена которых я даже не могу вспомнить, наверняка по самым серьезным причинам, как это бывает у подростков, начали меня задирать. Кто-то отвечивал комментарии по поводу моей фигуры, кому-то не нравилось, что за мной тогда ухлестывал парень из старших классов, для кого-то я была раздражителем просто по факту своего существования. Тогда для меня это было совершенно непонятно, я прокручивала и прокручивала в голове все эти стычки, то в раздевалке, то в школе. И все не могла понять: что же я делаю не так, почему все принадлежат к какой-то компании, ходят вместе, смеются на переменах, сплетничают, а я даже перестала ходить в столовую, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания? Вместо этого уходила к самому дальнему окну в коридоре, садилась на подоконник, включала кассетный плеер и смотрела, как у людей получается дружить.

— Эй, Агнес, чего пялишься? — Анна выдернула меня из мыслей своим скрипучим писклявым голосом. — Давай уже вытирайся и вали из раздевалки, пока не получила!

— Ага, мы поговорим сегодня с Ником, чтобы он больше к тебе не подходил. Дебил, решил, что может просто так взять, бросить Анну и начать гулять с тобой! Пусть только попробует. — Мари была самой высокой в группе по плава-

нию и вела себя как личный охранник Анны.

Обе уставились на меня так, что мне стало не по себе. С волос еще капала вода, но я наскоро промокнула голову полотенцем, чтобы на улице волосы не превратились в сосульки, натянула одежду, схватила ботинки и быстрым шагом направилась к двери.

— Да кому нужна эта смазливая лохушка! Вот посмотришь, Ник сам ко мне приползет! — Анна демонстративно отвернулась и нырнула в свой шкафчик.

На улице была та самая настоящая зима, когда даже ночью снег переливается миллионами искорок, нос моментально становится красным, а хруст под ногами может заменить музыку, если в плеере села батарейка. Папа ждал меня у дверей спортивного комплекса, докуривал сигарету и уже вынимал из пачки следующую. Меня еще не раздражал запах табака — было в нем даже что-то приятное, особенно на морозе, что-то богемное. Знала ли я вообще тогда такое слово? Возможно, нет, но точно могла себе представить: стопки книг на полу от научной фантастики до классики мировой литературы; на столе разбросаны скетчи обнаженных женщин, какие-то нарисованные ручкой, какие-то углем или карандашом; бесконечное количество колод карт, которые могли оказаться в самых неожиданных местах, даже рядом с унитазом. Пепельницы стратегически расставлены по всей квартире (он часто ходил с сигаретой в зубах). На кухне из магнитофона доносилась The Animals — House of the Rising

Sun, в углу аккуратным рядком стояли пустые бутылки из-под портвейна. Так выглядел мир моего отца, когда они с мамой разошлись в первый раз.

— А вот и она! — Отец расплылся в улыбке, не вынимая сигарету изо рта. — Пойдем скорее, мороз жуткий. — Он похлопал меня по плечу.

— Ага, — я поплелась за ним. — Па-а-ап, слушай... — Я запнулась.

— Что такое? — Он наконец выкинул окурок и пытался зажечь очередную сигарету.

— Что такое «смазливая»? Это плохо? — Кто бы знал, что благодаря задирам мой вокабуляр в тот день пополнится на одно слово.

— Хм-м-м, ну, тут как посмотреть...

— Я смазливая? — Я остановилась и не хотела двигаться с места, пока он не ответит.

— Так-с, что случилось-то? Давай рассказывай. — С третьей попытки сигарета задымилась, и отец глубоко вдохнул.

— Ну, девочки... в общем, они меня называли смазливой, это плохо, да? Значит, я некрасивая? Толстая? — Я хотела продолжать упражняться в самобичевании, но папа меня бескомпромиссно перебил:

— Тупые эти девочки, вот что. Смазливыми называют тех, кто симпатичный, милый и все такое. Вот только кроме внешности у таких людей особо ничего и нет. А ты умная, поняла? — Он посмотрел на меня с такой уверенностью, что

сопротивляться было бессмысленно.

— Угу. Поняла.

— Так, ну что стоим, пошли? Посмотри, у тебя уже сосульки на волосах, ты чего не высушила волосы? Твоя мать меня прибьет, если заболеешь. Давай ускоряться. А на девочку забей, у тебя других дел полно. Договорились?

— Угу. — Я почти бежала за ним, чтобы не отставать, волосы-сосульки покалывали щеки, а нос то и дело требовал, чтобы я шмыгнула.

— А теперь проверим твою память. Самая лучшая песня The Animals? — Папа был моим дилером в музыкальном мире. К нему на работу то и дело приезжали коллеги из Европы по обмену опытом, привозили с собой кассеты. И в то время как в школе все слушали «Руки Вверх!», «Нэнси» и, прости господи, «Иванушек International», в меня буквально с начальных классов вливали Уитни Хьюстон, Элиса Купера, ABBA, Eagles, Beatles, The Animals и других.

— House of the Rising Sun! — с гордостью отличницы выпалила я.

— Садись, пять! Урок музыки и английского окончен. — Он снова улыбнулся с сигаретой в зубах.

Мистер Дарси помог мне собрать чемодан, несколько раз переспросил, не хочу ли я, чтобы он поехал со мной и братом. Я хотела. Очень. Вот только боялась, что он попадет под перекрестный огонь перепалок между братом и сестрой, ко-

гда в ход идут все боеприпасы, никаких компромиссов, только гарантия взаимного уничтожения. Раньше мы с Янисом могла часами дискутировать, под конец наорать друг на друга, через пару мгновений выдохнуть, символично показать средний палец и обнулиться. Мистер Дарси отлично знал это, смотрел наши представления много раз. Если бы все было как и прежде, мы поехали бы втроем.

Но год назад что-то изменилось. Янису все реже удавалось выбираться на традиционные семейные завтраки с походом в музей. Собраться всем вместе, чтобы выпить пива, стало еще сложнее. Встречи часто отменялись, потом переносились, снова отменялись, что жутко меня раздражало, обижало, разочаровывало. Мысли о том, что я на каком-то двадцатом, тридцатом, сотом месте для брата, уносили меня в тоску и ощущение тотального одиночества. Это ведь другие семьи не могут нормально общаться, но мы же всегда были исключением! Мы с Янисом были лучшими друзьями. С каждой отмененной встречей становилось труднее делать вид, что все в порядке, — ну, послали мы друг друга сгоряча, а теперь все ок, можно жить дальше. Кажется, за этот год мы встречались буквально несколько раз на официальных семейных праздниках: юбилей мамы, пара дней в новогодние праздники, тридцать минут на кофе и вручение подарка на день рождения Яниса... На мой он попасть не смог. Дела, дела, дела.

Мы спустились к подъезду. Янису оставалось ехать еще пятнадцать минут. Свежий летний вечер — если бы этот

день сложился иначе, мы пошли бы гулять. Воображение рисовало уютную веранду, обязательно с уличными гирляндами, которые дают теплое свечение, на каждом сидении накинут плед, официанты не спеша разносят вино. Сейчас бы холодного «Верментино»... Такого холодного, чтобы аж искрилось. Или «Цоликаури»! С хинкали! Да, «Цоликаури» и хинкали.

— Как же хочется вина и хинкали! — Я не сразу поняла, что произнесла это вслух.

— Май нига! — встрепнулся Мистер Дарси. — Блин, надо было все же тебя накормить, ты целый день только на кофе и тостах...

— Да все ок. Просто представила, как мы гуляем, как все... нормально. Погладь меня по голове, м? — Я уткнулась лбом ему в грудь.

— Скоро все наладится, ты вернешься, и мы съедим тонну хинкали с самым вкусным «Цоликаури». А еще лучше — полетим в Батуми! Точно, помнишь ресторан «Пиросмани»? Там самые вкусные хинкали! — Он запустил руку в мои волосы, пальцы нежно надавили на корни волос, мурашки побежали по телу.

— Ради такого стоит продолжать жить! — Я закрыла глаза с надеждой, что стоит мне их открыть, и все останется где-то в прошлом, в моих руках будет бокал с вином, а на фоне заиграет грузинская музыка.

Из-за угла сверкнули фары белого кроссовера.

— А вот и Янис. Удивительно, что не опоздал. — Даже Мистер Дарси признавал, что на брата не всегда можно положиться, если дело касалось точного времени.

— Ну и день-пердень, да, ватрушка? — Янис вышел из-за машины и направился к нам. — Сейчас немного отдохну, перекурю и поедем, хорошо? Как ты, ватрушка?

Мы посмотрели друг на друга. Пара шагов навстречу, объятия, слезы. Почти в унисон из нас полился накопленный за день стресс. Тревога, грусть, бессилие, раздражение, нежелание осознавать, что сейчас придется заняться по-настоящему взрослыми делами. Ведь дети не хоронят взрослых, это взрослые занимаются бюрократией, моргами, звонят в ритуальные агентства, планируют меню на поминки!..

Я немного отодвинулась, вытерла нос лицевой стороной ладони. Мистер Дарси уже нашел у себя в кармане бумажные платочки и протянул нам целую упаковку.

Я и до этого дня понимала, что Янис внешне очень похож на папу, но в тот момент это показалось особенно явным. Будто передо мной стояла молодая версия отца. Ирония состояла в том, что сходство между ними было исключительно внешним. Как фотография или слепок. Но стоило Янису заговорить, начать двигаться — картина преобразовывалась, и вы уже видели Яниса с жестами и мимикой, присущими только ему. Янис всегда или почти всегда знал, чего он хочет от жизни. Окружающие часто отмечали, что он производит впечатление человека старше своих лет. Павлос же,

наш отец, напротив, скорее походил на бунтующего Джеймса Дина с его отстраненным взглядом и стремлением к самоистреблению. Да, хорошо, что Янис был другим.

Янис вытащил электронную сигарету — несколько нехитрых манипуляций, и он уже выпускал клубы дыма с запахом носков. Мистер Дарси парил чем-то с ароматом черного чая. Мне же захотелось настоящую сигарету, ведь «бунтарь без причины» курил только такие.

Глава 3

Now, here you go again
You say you want your freedom
Well, who am I to keep you down?
It's only right that you should
Play the way you feel it
But listen carefully to the sound
Of your loneliness
Dreams — Fleetwood Mac

Как часто мы видим в фильмах кадры, где перед героем или героиней жизнь проносится буквально за считанные секунды? Чаще всего такие сцены показываются нам либо в режиме замедленной съемки, либо, наоборот, как нарезка из быстро сменяющихся событий. Цель проста — максимально драматизировать момент. Благодаря этому, мы можем почувствовать глубочайший страх, сожаление или ностальгию, которые в данный момент переживает персонаж на экране.

В детстве я фантазировала, что мы все живем в кино, что на самом деле Земля — это такой большой телевизор, а мы маленькие такие человечки, которыми, скорее всего, играет какой-то человек или какие-то люди побольше — Людищи! Увлекательно представлять, что кто-то взял и поставил маму на кухню, чтобы она наконец-то пожарила мои любимые кабачковые оладьи. Еще этот Большой Кто-то мог, на-

пример, куда-то перенести меня ночью — поэтому я всегда спала с охраной в виде огромного медведя, которого подарил мне дедушка. Его-то точно никто никуда сдвинуть не сможет, он же огромный! Как его дедушка привез из Одессы в Нижний Новгород, для меня до сих пор загадка.

В какой-то момент — кажется, в начальной школе — моя фантазия начала кипеть после того, как я случайно увидела на старом телевизоре с рябью сериал «Твин Пикс» Дэвида Линча. Я мало что понимала, но эмоционально чувствовала дискомфорт, уязвимость и вместе с тем — уют. До этого моим вниманием могли завладеть только записи балета по центральному телевидению и мультфильмы «Диснея». Ничего удивительного: музыка, танцы, сказка, красота и полет, добро побеждает зло. Все понятно. Но почему меня привлекала картина Линча? Ведь в городке Твин Пикс все было сюрреалистично и странно. А может, именно из-за этой странности я и не могла оторваться от экрана? До сих пор, пересматривая эту историю, не могу сказать, что понимаю Линча — скорее, чувствую, и, кажется, ощущения почти не изменились.

Много лет спустя я отпустила мысли о том, что мы живем в ящике. Училась в лицее, влюблялась в мальчиков... Как-то в выходной я осталась с Янисом дома — родители уехали к друзьям, а я должна была приглядывать за шестилетним братом, мне это даже нравилось.

С того дня, как его принесли из роддома, я постоянно просила дать мне его на ручки или хотя бы уложить спать в ко-

ляске, поиграть в улюлюканье. Он был для меня как котенок, которого хотелось тискать, который умилял просто от того, что тихо сопит во сне. Такие обычные дела, как сходить в магазин за хлебом и яйцами, становились маленьким приключением. Я усаживала Яниса в коляску, с нами обязательно выходил наш пес Сандерс — пушистый рыжий комок радости и теплоты породы колли. Янис каждый раз раскрывал глаза, будто видит дорогу, дома, деревья в первый раз. Он радовался открытиям, что его ждали, не меньше, чем мореплаватели в эпоху великих географических открытий. В отличие от тех бесстрашных мужей, ему не нужно было бояться штормов и штилей, недоедания и, как следствие, цинги. В наше путешествие мы всегда брали разнообразные припасы — преимущественно, конечно, такие, чтобы Янис мог их прожевать своими двумя зубами. Я, конечно, тоже их уплетала. Особенно я любила детские печенья, которые буквально таяли на языке. На случай сильного голода у меня с собой всегда было пюре из говядины и цветной капусты — омерзительного цвета, но Янис с удовольствием его ел. Для Сандерса тоже имелись лакомства, он был самым привередливым из нас: как бы сильно он ни проголодался, его ничто не могло заставить съесть хлеб.

Мне бы его привычку! Я **ОБОЖАЮ** хлеб. Булочки. Жареный на сковороде хлеб. Тосты — это тоже прекрасно, но на сковородке можно приплюснуть кусочек так, что он станет тоньше. Я обычно переворачиваю его руками и приминаю

пальцами, чтобы почувствовать тепло. Когда я понимаю, что скатываюсь на эмоциональное дно — жареный хлеб становится для меня незаменимым лекарством. Терапевтическим эффектом обладает его запах, тепло, и даже звук ножа, которым размазываешь тающее масло по хрустящему хлебу. И как вишенка на торте — конечно, *dam fine cup of coffee*.

С каждым новым путешествием у брата вырастал новый зуб, потом ему уже не нужна была коляска, иногда он даже отправлялся в «плавание до ларька через дорогу» один. Когда возвращался, я знала, что он обязательно принесет мне какой-нибудь сувенир: странный камень, ветку с пупырышками, осколок зеленого стекла с такими гладкими краями, что даже я не смогла бы об него порезаться, а я могла организовать себе травму почти на ровном месте — например, проткнуть себе палец вилкой, пока мыла посуду, или напороться на маникюрные ножницы коленом, пока стригла себе ногти на ногах. *Trauma queen*.

Это было прекрасное время. У брата еще не было кучи приятелей, шумных компаний, конкуренцию мне составляли только его выдуманные друзья, с которыми он иногда играл в песочнице.

В ТОТ выходной Янис как раз копался в песке. Строил куличик, потом пинал его ногой или просто возил палкой, вырисовывая какие-то иероглифы. Не было ни облачка: чистое, голубое — нет, ярко-голубое — небо. Было так тихо, будто даже мухи перестали жужжать, а ветер просто вдохнул

себя внутрь и замер. Я забрала мусорное ведро с кухни, чтобы к приезду родителей все было прибрано (привет, синдром отличницы), и поплелась на мусорку. Попыталась аккуратно открыть калитку, чтобы не нарушить скрипом эту тишину — не получилось. Мысленно я извинилась перед вселенной за свою неуклюжесть. Еще раз пережив этот омерзительный скрип, я вернулась, поднялась на крыльцо, поставила пустое ведро — и меня вдруг поглотил тупой лопающийся звук, а секунду спустя меня будто накрыло водой: вроде бы слышишь все, но через какой-то глухой фильтр. Я с усилием трянула головой, как собака, которая выбралась из пруда. На мгновение тело будто перестало меня слушаться, оно просто замерло. Сделав глубокий вдох, я напрягла что было сил все мышцы и сделала шаг, второй, и, наконец, перешла на бег.

Через пару секунд я уже держала брата в охапке. Мы с любопытством и страхом смотрели на Облако. Это было единственное Облако на небе в тот день. Я уже знала о Хиросиме. И теперь передо мной начала проплывать жизнь, которую, как я представила, я сейчас потеряю: наши «путешествия» с братом, занятия плаванием, музыкальная школа и музыка в плеере, джинсы, которые я так хотела, чтобы мама мне купила, но я не смогла в них втиснуться, дни рождения, на которые почти никто не приходил... Брат уткнулся мне в плечо, но не проронил ни звука. Мы простояли, прижавшись намертво друг к другу, как люди на картинках в учебнике

истории, которых находили после извержения Везувия, еще несколько минут. Я начала соображать, что, если нас не снесло взрывной волной, возможно, шансы еще есть, но лучше бы зайти в дом. Я позвала Сандерса — обычно его не пускали домой, но сегодня был явно необычный день. Мы устроили на кухне что-то вроде штаба: из подушек дивана соорудили укрытие, утащили туда крекеры и чипсы, включили «Тома и Джерри» и втроем пережидали апокалипсис.

Позже выяснилось, что это был взрыв на газопроводе в паре километров от нашего дома. Сухие строчки из местной газеты говорили о погибшем мальчике-пастухе и сгоревшей корове. В отличие от фильма Тарковского, эта корова не останется в истории искусства — только в моей памяти. Теперь у меня не было сомнений, что наша жизнь — то еще кино. Возможно, даже больше, чем я себе представляла. Янис с того дня больше никогда не общался с воображаемыми друзьями.

— Как думаешь, с мамой все ок? — нарушил молчание Янис.

Мы уже минут двадцать ехали в аэропорт, на фоне звучало NTS Radio. Я уже и не помню, кто его открыл первым, но без него не обходился почти ни один день и тем более ни одна поездка.

«N-T-Ssss», — донесся позывной из динамика.

— Ты с ней так и не созвонился? — почти без удивления спросила я.

— Ну, мы с ней как-то коротко созвонились, она была за рулем, ехала на работу, потом в ритуальные услуги собиралась. Вроде бы бодрячком...

— Думаю, с ней все норм. Они уже давно не вместе, так что... Мне кажется, она ожидала чего-то подобного. Может, даже сделала расклад на Таро, ну, или составила прогноз астрологический... Вот увидишь, еще расскажет, что звезды ей все показали.

В моих словах не было сарказма. Янис это понимал — мама была Суперженщиной, которая управляла бизнесом, успела выучиться на экономиста, психолога, таролога, астролога, вырастить нас и уже пережить бывшего мужа. И ты либо принимаешь тот факт, что до нее, скорее всего, не дорастешь, либо обрекаешь себя на вечное FOMO.

Я считала себя самой большой неудачницей в нашей семье. Сначала хотела стать журналистом, но это быстро меня утомило — зачем мечты, которые в итоге сделают тебя нищим? Потом я грезила стать великой актрисой, и у меня даже неплохо получалось: театр был для меня самым любимым местом все пять лет обучения в университете, вот только перспектива играть одни и те же роли каждый день меня совсем не радовала. После универа я нырнула в мир рекламы и пиара — и вуаля, появились деньги, даже какое-то внятное движение по карьерной лестнице: аккаунт-менеджер, старший пиар-менеджер, пиар-директор, ивент-директор, программный директор. Только один важный гештальт оставал-

ся незакрытым — стать писательницей.

Мама к моим метаниям относилась скептически. Наверное, только в последние несколько лет, когда ее саму накрыло волной пресловутого выгорания, поиска чего-то нового, покупки бесконечных курсов, она начала понимать меня куда лучше. Я уже не слышала вздохов в трубку, когда в очередной раз сообщала, что не хочу работать там или там, как мне все надоело, что я хочу свой дом в Италии, сидеть, писать книги и пить холодный «Верментино».

— Да, наверное... Он мне звонил на днях, а я трубку не взял, был на совещании. Потом все хотел перезвонить, но замотался, и вот. Интересно, что он хотел сказать... Хотя, наверное, как обычно: «Привет, как дела? Все хорошо? Ну все давай, пока!» — Он потянулся рукой к бардачку в надежде нащупать электронную сигарету, тут же вспомнил, что она у него в кармане рубашки.

— А я с ним не говорила с моего дня рождения, уже два месяца прошло. Хотя это сложно назвать беседой: «Привет, ну как ты? С днем рождения! Отмечаете? Ну ладно, давай, пока!»

Мы будто пытались нащупать связь: понять, как стоит говорить об отце, о том, что случилось. Мне даже стало немного легче. Я не одна была в каком-то замешательстве, не знала, нормально ли то, как я реагирую на смерть. И вот мы едем. Рядом со мной самый родной человек, которого, как мне раньше казалось, я понимаю без слов, и он тоже понятия

не имеет, что с ним происходит. А что лучше всего сделать, когда выдавить слова становится сложнее, чем зубную пасту из почти пустого засохшего тюбика? Конечно, включить музыку! Я взяла телефон, переключила с радио на Spotify, нашла нетленку New York, New York в исполнении Фрэнка Синатры, сделала громче. Мы переглянулись.

— А помнишь?.. — Янис, конечно, знал, что помню.

— А то! Танец Росса и Моники нервно курит в сторонке по сравнению с нашим акробатическим этюдом под этот трек!

Мы начали двигаться в такт музыке, насколько это позволяло пространство машины. Я щелкала пальцами, Янис стучал ладонями по рулю. Фрэнк уже растягивал фразы под конец, мы почти не фальшиво подпевали так громко, как могли.

— Давай еще раз! — Янис взял телефон и поставил трек на повтор.

Снова щелчки, постукивания, топот ног, хор наших голосов, дорога в ночных огнях, тепло и радость. Странная реакция на смерть? Возможно. Какая есть.

Мы так и не сменили песню до самой парковки. Аэропорт был сонный, люди вяло тянули одной рукой багаж, в другой удерживая кофе. Дети то валялись на полу, то скакали, будто съели весь шоколад у Вилли Вонки. Мы быстро прошли все проверки, багаж сдавать не пришлось — с нами была только ручная кладь. Перед глазами проскальзывали полки

с парфюмом, брендовыми сумками, сладостями, алкоголем — все, без чего не обходится ни один дьюти-фри. Мы нашли кофейню рядом с нашим гейтом, уселись в углу, чтобы как можно меньше людей проходило мимо, взяли безбужно дорогой кофе, сэндвичи, включили какой-то ролик на YouTube. Один наушник у меня, другой у Яниса: «Юрий будет Дудь, Дудь будет Юрий» — знакомый джингл растворил нас в информационной жвачке. Идеально, чтобы дожидаться вылета.

Глава 4

I don't wanna be buried in a pet sematary

I don't want to live my life again

I don't wanna be buried in a pet sematary

I don't want to live my life again

Pet Sematary — Ramones

Женский голос выдернул нас в реальность: «Объявляется посадка на рейс SU 1110 авиакомпании «Аэрофлот» по маршруту Москва – Сочи. Посадка осуществляется через выход номер 15».

Я влила в себя последние пару глотков остывшего кофе вместе с осадком. Холодные пережаренные песчинки хрустели на зубах — с таким же успехом можно было просто разгрызть зернышко робусты. Янис почти на ощупь собрал в кучу свои вещи, повторил мою ошибку, поморщился:

— Да, это тебе не «Твин Пикс»: ни тебе отличного кофе, ни вишневого пирога... Делаем ставки, что в самолете будет еще хуже? Ну почему нельзя варить хороший кофе? Помнишь нашу поездку в Финляндию? У них даже на самой простой заправке всегда был вкусный кофе! Там везде пахло кофе и пончиками! На каждом шагу у тебя отличный *musta kahvi*. У нас же обязательно будет вонять чебуреками и подгоревшим маслом!

Он продолжал чертыхаться до самого гейта. Я шла в по-

лудреме, уткнувшись глазами в пол, старалась не упустить из виду ноги Яниса и не заблудиться. Та поездка, о которой он сейчас распинался, была нашим последним совместным путешествием. Когда это было? Шесть, восемь лет назад?

— Капельная кофеварка, — пробормотала я.

— Что «капельная»?

— Кофеварка. В Финляндии везде капельные кофеварки, это очень удобно наварил — несколько литров кофе, поставил подогреться и разливаешь по одному евро жаждущим.

Воспоминания о днях, когда мы вместе путешествовали, ударили мне в нос ароматом кофе с пончиками. Корица, кардамон, сахарная пудра, теплое рыхлое тесто... Глоток *musta kahvia*, иногда — с *kerma* или *maito*; имбирное печенье... Ржаные пирожки с рисовой кашей *karjalanpiirakka* — кажется, что это самое отвратительное сочетание на свете, но так до того, как попробуешь *mannariigo* — то же самое, но уже с начинкой из манной каши. Кровяные колбаски, безбожно дорогое пиво, *minttu*, которую добавляют почти везде, так же как и лакрицу...

О, лакрица у финнов — это культ, удивительно, что у них нет церкви, где бы они могли поклоняться богу лакрицы. Мороженое с копченой лакрицей, бургеры с соусом из лакрицы, салаты с лакричной заправкой... И, наконец, как вишенка на торте — лакричная пицца с соусом *salmiakki*, что буквально значит «соленая лакрица». Я остановилась на любви к лакричному мармеладу и фильму «Лакричная пиц-

ца» Пола Томаса Андерсона. Фильм не имел ничего общего с лакрицей, режиссер лишь ностальгировал по семидесятым и сети магазинов с виниловыми пластинками, которая так и называлась — Licorice Pizza. Все из-за того, что пластинки стояли на больших стеллажах, будто кусочки черной пиццы в печи. Сейчас, к слову, среди самых удивительных форм конфет в Финляндии можно найти и лакрицу в форме пластинки. Угольно-черная с бескомпромиссным вкусом, который встряхнет тебя, возможно, даже лучше чашечки двойного эспрессо.

Я оглянулась на магазин сладостей, мимо которого мы пробегали:

— Янис, подожди, можно я быстро?..

— Агнес, ну камон, там уже посадка! — Я указала на стенд, усыпанный сладостями, будто новогодняя елка. — Ок, давай только быстро, мне возьми вон те черные, лакричные.

Я, как ребенок, почти вприпрыжку побежала к магазину, сорвала со стеллажа ассорти, в последний момент захватила еще огромную шоколадку Lindt. Да, тоже с лакрицей.

— Оплата картой, пакет не нужен, спасибо! — Одной рукой я сгребла добычу, другой достала кошелек, вжух! — и я уже скользила по гладкому полу дьюти-фри обратно к Янису.

Ожидание в очереди на посадку скрасилось шуршанием обертки и дегустацией вкусов ассорти; шоколад я оставила на потом.

— Вот бы снова вместе поехать в Финляндию! Ты, я, Ми-

стер Дарси и Алла! Было бы круто... Марго наверняка будет рада и даже примет нашу компанию на постой!

Марго, моя лучшая подруга, уже давно переехала в Тампере, второй по значимости город на юге Финляндии, и при любой возможности зазывала нас в гости. Пожалуй, она единственный человек, с которым у меня не терялась связь, даже когда мы не виделись годами. Расстояния беспощадно заканчивают кучу отношений — а те, что выдерживают подобные испытания, остаются на всю жизнь.

— Да, наверное... Но ведь это надо у всех графики согласовать, чтобы отпуск совпал. Сложно это. И вообще, ты, кажется, не особо любишь Аллу? — Брат со скепсисом посмотрел на меня, продолжая жевать конфету. — Уфффф, ядреная лакрица, то, что надо!

— Нормально я отношусь к Алле. Не могу же я ей постоянно дифирамбы петь! Просто у тебя всегда первым делом Алла: надо спросить у Аллы, мы с Аллой то, мы с Аллой сё... — Я демонстративно кривлялась с набитым конфетами ртом, закатив глаза.

— Ну вот, опять, я же говорю!

— Ой, ладно, не хочешь, значит, не хочешь. Вот еще, уговаривать тебя!

Подошла наша очередь проходить в самолет, мы показали посадочные талоны.

— Я подумаю, может, что-то и получится, — сказал Янис, пока мы укладывали сумки на полки над сиденьями.

— Угу, — пробурчала я.

Как только мы устроились в креслах, я поняла, что не в силах противостоять усталости, так что позволила себе задремать и даже пропустить подачу напитков, безвкусных сэндвичей и жестких яблок. Сквозь сон я слышала, как Янис попросил два пледа: одним заботливо укрыл меня, другой положил себе под голову. Я почувствовала себя парадоксально уютно и спокойно. Как бы сказал отец: «Сегодня уже случилось плохое, так что остаток дня должен быть хорошим!» Он почему-то был уверен, что особенно перед поездкой обязательно должно что-то произойти: спустить колесо, разбиться стакан, разыграться диарея. Даже если мы уже отъехали от дома, забыли что-то и вернулись — это просто замечательно, считал он, ведь больше ничего не должно омрачить наш день. Забавно, как подобные детали впаиваются в нашу память. И хотя я не верила в приметы и предсказания, мне становилось спокойнее, когда что-то плохое уже случилось.

— Агнес, как ты? Прости, что пропал тогда, я был не в себе, паршивый, в общем-то, из меня отец вышел... — Он помялся с ноги на ногу, пригладил рукой седые густые волосы, сдвинул очки глубже на переносицу.

Осенний парк: стеклянный морозный воздух окутывал деревья: на дорожках белым отпечатался уже почти зимний холод. На отце серый свитер крупной вязки, черное пальто в пол на крупных пуговицах, широкие шерстяные брюки — он выглядел так, будто грек решил одеться, как датчанин или

швед: простота и лаконичность.

— Давай сходим куда-нибудь, выпьем кофе, поговорим? Я тут наконец-то решился открыть свой маленький бизнес... Кофейня с книжным магазином и всякими мелочами, ну, знаешь, канцтовары и прочая ерунда. Тебе вроде бы такое нравится?

— Ого-о-о-о... — Я стояла, будто меня прибили к полу; хотела его обнять, чтобы ощутить, что вот он — здесь, он точно вернулся; пыталась продолжить разговор, но вместо этого открывала рот, будто рыбка.

— Ну, что, пошли? — Отец протянул руку, сухая шершавая ладонь обхватила мою, он развернулся и потащил меня за собой.

Впереди между деревьями появилась дверь, запахло кофе; жужжащий гул посетителей, звяканье приборов; где-то далеко на кухне моют посуду, фарфоровые тарелки бьются друг о друга в надежде не превратиться в груды осколков. Дверь открылась, навстречу нам вышла девушка, будто только что закончившая серфить.

Мы сделали шаг вперед — декорации резко сменились: тяжелая со спертым, будто в подвале, воздухом комната, стены сжимали пространство своим удушающе грязно-желтым цветом. Аромат кофе сменился на купаж из ДСП, отсыревших обоев, старого подъезда с ноткой кошачьей мочи и проросшей картошки. Одна-единственная лампочка безжизненно свисала с потолка, издавая будто предсмертные стоны в

попытках осветить комнату. По углам висела крупная, плотная, словно пряжа, паутина, а под ногами хрустели гравий и земля вперемешку с песком.

Я посмотрела на свою ладонь — и поняла, что отец больше не держит меня за руку. Подняла глаза. Посреди этого подвала стояла железная кровать, как в старых больницах, с провисающим дном из множества пружин. На кровати лежал отец. На месте густых седых волос — жидкие струнки, залезанные назад, чтобы скрыть лысину. Глаза впали так, будто вот-вот можно будет увидеть череп; из-под серо-грязного одеяла виднелись худые истощенные плечи. Отец потянул ко мне руку — я отшатнулась, хотела отпрыгнуть, будто героиня из фильмов про зомби. Но вместо этого уставилась на его руку — точно как олень, не способный оторваться от света фар.

Кожа у отца была серовато-желтого оттенка, местами с легким бурым подтоном — будто офсетная бумага самого низкого качества, которую используют для печати дешевых изданий романов Стивена Кинга. Сквозь нее бледно-синими, почти серыми чернилами еле-еле виднелись вены. Отец тянулся ко мне все ближе, пытался что-то сказать, но я не могла разобрать ни слова. Наконец я поборола коктейль из страха и отвращения, подошла вплотную к кровати, нагнулась и внимательно прислушалась.

— Рыба или мясо? Рыба или мясо, Агнес?

Меня силой выбросило из сна, и еще несколько мгнове-

ний я будто зависла в сонном параличе. Пассажиры самолета суетились, доставали ручную кладь, кто-то успокаивал детей, некоторые уже отзванивались близким со словами: «Я приземлился, да, сейчас в отель, а завтра на пляж».

— Ну что, очнулась, ватрушка? Пора вылезти из этого гроба с крылышками! — Янис был подозрительно энергичен, хотя красные от полопавшихся капилляров глаза молили о двенадцатичасовом сне. — Агнес, прием! Ты в порядке? — спросил он.

— А, да, все ок. Просто дичь какая-то приснилась. Папа... он сначала...

— Вы выходите уже?! — меня перебил сосед, который хотел покинуть самолет быстрее всех. В пару неуклюжих движений он перелез через сиденье, двинул мне рюкзаком по лбу и рванул вперед, расталкивая локтями сонных людей.

— Вот мудака! — пробурчал себе под нос, Янис. — Так, что там за сон?

— Да ладно, забей, как всегда, сплошной сюр. — Я потерла глаза, взбила волосы, сделала себе внушение, что, возможно, неплохо выгляжу для человека, который почти не спал.

Уже рассвело. Мы вышли из аэропорта, и меня обдало влажным теплым соленым ветром. Еще ощущалась легкая утренняя свежесть, оставалось совсем немного до дневного пекла. И все же я любила субтропики — я могла вытерпеть все что угодно, лишь бы море было рядом. Прыгать

на волнах, плавать за буйки, не выходить из воды, пока губы не посинеют — так проходило каждое мое лето в детстве. То беспечное время, когда еще поездка в Одессу была чем-то совершенно обычным... Что может быть более обычным и нормальным, чем поехать к бабушке с дедушкой на летние каникулы? Этой обычности уже давно нет. Дедушка умер. Разговоры с бабушкой всегда заканчивались взаимными убеждениями, что вот скоро-скоро все наладится, мы обязательно встретимся, надо только набраться терпения. Вот бы поставить возраст на паузу, чтобы, пока мы «набираемся терпения» и все ждем подходящего момента, жизнь не утекала, чтобы она законсервировалась хотя бы лет на пять, как хорошая тушенка, которую всегда приятно найти где-то в глубине шкафа на кухне: «О! Так это же доковидная банка!»

Янис достал из кармана электронную сигарету, мы неторопливо отошли к месту для курения, однозначно топовое — с видом на горы и морским воздухом! После закрытия границ из-за пандемии, а затем и из-за санкций, Сочи для меня стал чем-то вроде поездки к бабушке. Вот только эта поездка с каждым годом становилась все дороже, и в итоге Сочи стал Москвой с морем и горами.

И все же это было место понятное, комфортное, куда хочется возвращаться именно потому, что ты знаешь, чего ожидать. Скучно? Горы и море не могут быть скучными! Отец будто специально выбрал именно Сочи, чтобы умереть.

Сколько его помню, он всегда хотел жить рядом с морем. Кажется, в юности даже мечтал стать океанологом... Но всегда что-то мешало. Нижний Новгород с его слиянием Оки и Волги стал своеобразным компромиссом. Представлял ли отец себе смерть? И если да, то как? Возможно, он фантазировал, как превратится в огромную рыбу и будет исследовать глубины? Или станет аллигатором, как тот, что жил на яхте главного героя из любимого отцом сериала «Полиция Майами: Отдел нравов». Думаю, второй вариант ему больше бы подошел: полный пансион, вода плещется за бортом, солнце ежедневно подает лошадиные дозы витамина D. Свободы маловато только... Но в смерти, как и в жизни, приходится выбирать: либо свобода, либо комфорт. А хотелось бы свободный комфорт.

— Возьмем такси и сразу в отель? Придется доплатить за раннее заселение, но хотя бы поспим еще немного. — Я все еще смотрела на горы, представляла, как это — жить здесь постоянно.

— Да, погнали, потом наберем дяде Гарику. Это ведь он его нашел? — Янис широко зевнул и достал телефон, чтобы вызывать такси.

Мы не стали экономить на отеле. Я настояла на том, что мы должны взять пять звезд, чтобы не вгонять себя в еще большую хтонь и избежать любых неприятных моментов: затхлый воздух, плохо убранная комната, невкусный завтрак, вид на стройку из окна. Любая мелочь — а особенно

старые застиранные простыни — меня выводили из себя так, что я могла разреветься и потребовать тут же искать новое пристанище.

В этот раз у нас не было на подобную роскошь времени, и я мысленно похвалила себя за выбор отеля, как только мы переступили порог нашего номера и сбросили наконец обувь. Просторный двухкомнатный делюкс; балкон, который я тут же открыла, чтобы наполнить комнату морским воздухом; ванная комната настолько чистая, что я даже не смогла найти ни одного развода или намека на плесень. У нас оставалось примерно пара часов, чтобы освежиться, поспать, позавтракать и перейти к решению взрослых дел.

Гладкая мягкая постель обняла меня простынями, легкий ветер приятно заскользил по лицу. Под шум воды из ванной я провалилась в дрему. Снов на этот раз не случилось, чему я была только рада.

Очнувшись от короткого, но глубокого сна, я растормошила Яниса, набрала номер дяди Гарика. Дядей он нам не приходился — он был коллегой и давним другом отца. По традиции с детства мы называли его «дядя Гарик». Они с отцом вечно что-то мутили вместе — придумывали какие-то бизнесы, что-то продавали, что-то покупали. Дядя Гарик прекрасно рисовал: никто напрямую не говорил, но вокруг него всегда ходили слухи, будто он такой гений, что может с легкостью подделать не только любую подпись, но и нарисовать любой документ, да хоть купюру, так, что не отличишь.

Отец тоже неплохо рисовал, но у него все сводилось к эскизам, скетчам и просто каракулям во время телефонных разговоров.

Когда я была ребенком, отец еще работал электриком, при этом умудряясь уезжать на так называемые «заработки», а возвращался непременно с пакетами сладостей: жвачки Turbo, разноцветные зефирки в виде косички, шоколадки Mags и прочая дрянь, от которой зубы сейчас точно бы сгнили. Однажды отец вернулся с красным спортивным костюмом, который и сейчас мог бы остаться актуальным: штаны-«бананы» из трехнитки и свитшот им в пару. Самым главным сюрпризом были приставка Dendy и кассета с «Супер Марио» к ней. Мама, конечно, смотрела на это все со скепсисом: «Отец года!» — только и выдавила она. Для меня же тогда самым важным было то, что отец не только привез мне суперкрутую приставку, но и будет со мной резаться в «Супер Марио»!

— Эм-м-м, доброе утро, дядя Гарик... Я не рано? — На часах была уже половина одиннадцатого, но вежливость заставила меня включить извинительный тон.

— Доброе-доброе, Агнес, вы уже добрались? Я договорился, чтобы его оставили тут, в Адлере, в морге, чтобы вам не надо было ехать в центр или еще куда подальше... Вам надо будет подъехать, чтобы бумаги оформить, я-то не родственник все же. Ну, и решить, как вы его повезете — наверное, бальзамировать придется, или что там делают обычно.

И еще, наверное, надо ему какой-то костюм, что ли, купить — мы-то с ним налегке прилетели. Кто ж знал, кто ж знал, что отпуск... Ты извини, что-то я сразу насел со всем этим... — Он глубоко вдохнул и выпустил пар, а я живо представила, как он держит в руках самую крепкую сигарету вроде «Парламента» или чего-то подобного.

— Все ок, мы же за этим и приехали. Я не знаю, то есть, мы еще не решили, возможно, стоит его кремировать. Везти его по такой жаре в Нижний Новгород... кажется, будет... — Моя бурная фантазия тут же нарисовала вздувшееся тело, которое разрывает пуговицы на рубашке и пиджаке и потом превращается в отвратительное месиво. Яркость этой картины вызвала приступ тошноты, я поморщилась. Однозначно кремация! Заодно не будет возможности отнести его на кладбище домашних животных и воскресить. Я глотнула воду из бутылки на столе и продолжила: — Отправите сообщением адрес морга? Вы с нами поедете туда? Или у вас дела?

— Слушай, я бы с радостью, но меня и так уже измотала эта история... Твой отец был мне другом, конечно, но, думаю, вы и сами сможете о нем позаботиться... — На пару секунд он замялся. — Хотя ладно, давай я тоже подъеду, хоть поздороваюсь с вами, а потом прямо в аэропорт. Договор? Успеете через час? Оттягивать не стоит, тем более что пятница же. Адрес сейчас пришлю.

— Думаю, да, конечно. До встречи! И, дядя Гарик, спасибо вам.

— Да что уж, не мог же я его бросить... Павлос, конечно, тот еще гусар, — удивительно, что так долго протянул, и ведь, знаешь, даже не облысел, скотина! У меня вот озеро мудрости на затылке, а полностью бриться пока рука не поднимается. Ну все, хватит самобичевания, собирайтесь там, привет Янису. До встречи! — Он резко оборвал сам себя и повесил трубку, потом прислал адрес. Ехать было действительно недалеко, буквально двадцать минут.

«Павлос». Кажется, я уже начала забывать, как звучит его имя.

«Отец», «папа», «бывший муж»... Будто его имя только для внешнего мира, но не для нас. Внутри семьи он был безымянным набором воспоминаний, фантазий, обид, ожиданий, разочарований, забытых дней рождений, пропущенных звонков, неотпразднованных Новых годов, парочкой телеграмм и скупо подписанных открыток, запахом табака и пряной шакшуки, которую он называл «яичницей по-гречески», пылью на телевизоре и сплюснутыми бычками в зацементированной прахом табака пепельнице...

Глава 5

I'd love to go back to when we played as kids
But things change, and that's the way it is
Changes — 2Pac

— Ты там еще долго? Через час уже выходить, и кофе бы успеть перехватить. — Ответа не последовало, только шум воды. — Янис? Алло? — Я громко постучала в дверь.

— А? Да-да, я уже выхожу, пять сек! — Брат выключил душ и через минуту вышел из ванной. — Плацкарт свободен! — Так часто говорил отец, и эта фраза прилепилась ко всем домашним, впрочем, как и многие другие дурацкие выражения вроде: «Дети в школу собирались, мылись, брились, похмелялись». Отец, конечно, считал это очень смешным. А если хотел использовать тяжелую артиллерию, в ход шли цитаты Михаила Жванецкого и Ильфа и Петрова. Джентльменский набор не был бы полностью укомплектован без отсылок к Владимиру Высоцкому, что меня особенно раздражало. Пожалуй, единственным произведением, которое я могла спокойно воспринимать у него, было:

Здесь лапы у елей дрожат на весу.

Здесь птицы щебечут тревожно.

Живёшь в заколдованном диком лесу,

Откуда уйти невозможно...

Но и его портила концовка:

Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,

Если терем с дворцом кто-то занял.

Как-то, еще в студенческие годы, романтично настроенный молодой журналист решил записать эту песню для меня на диск. Этот подарок он дополнил дореволюционным изданием Шопенгауэра «Афоризмы житейской мудрости», тщательно упакованным в газету со своей статьей. Все это сопровождалось эффектным появлением: в знак протеста против моей холодности он сбрил свои пшенично-медовые локоны под машинку. Одним резким движением он снял шапку прямо на пороге моей комнаты и продемонстрировал «ежик» у себя на голове, затем вручил диск, книгу и безмолвно ушел. Драматичность я оценила, как и Шопенгауэра. Включила диск. Первые строки, тембр... Я даже была готова позвонить ему и дать шанс — все же это не просто розочка в целлофане. И тут меня будто осиновым колом проткнули: «Соглашайся хотя бы на рай в шалаше...» Он вместе с Высоцким будто кричал: «Агнес, ты слишком многого хочешь! Снизь планку!» Эту фразу и прямым текстом я потом слышала еще много раз.

Однажды мужчина признался, что изменил мне с другой женщиной. Аргумент был железный: «Она ничего от меня не ждет, ей много не надо, я могу с ней пить пиво у подъезда!». Критерии я так и не снизила. Нет, я не ждала принца на белом коне, который меня спасет — ведь этот принц может в конце сказать, что надо бы на шалаш соглашаться. И что-

бы другим женщинам повезло больше, чем мне, я с детства аккуратно объясняла брату, что важно в общении с девушками, чего лучше избегать, как не обидеть.

В один из жарких июльских дней, когда я скучала дома, перелистывая очередную книгу из списка литературы на лето, в комнату зашел Янис.

— Агнес, как думаешь, Анне понравятся эти цветочки? — Маленький серьезный человечек в желтых шортах, синей кепочке с машинками на козырьке и футболке с огромным муравьишкой держал в кулачке букетик из травы и полевых цветов. Неожиданно ярким акцентом в нем стал камыш, который брат поместил в центр композиции.

— Ого, а камыш-то ты где нашел? Круто, теперь я тоже такой хочу! — Если бы было возможно, моя улыбка обогнула бы череп и завязалась бантиком на затылке.

— Я на пруд сходил, там такого полно, хочешь, и тебе принесу? Я быстро! — Янис почти развернулся, чтобы побежать на поиски столь важного сокровища.

— Не, не, ты лучше иди Аньке цветы подари! Только обещай больше один на пруд не ходить. Я серьезно. Договорились? — Я изобразила серьезность и даже суровость, что было адски сложно, ведь хотелось потрепать брата за щечки и вообще затискать — такой хорошкой он был.

— Ага. Но я тебе просто тогда цветочки принесу, и маме тоже, она обрадуется! — Янис ушел, я отложила книгу — кажется, это был Гоголь с ненавистными мне «Мертвыми

душами». Зевнула, растянулась на диване, закрыла глаза и поймала мягкую, уютную летнюю дремоту.

Скоро должна была вернуться с работы мама, привезти что-то вкусное, включить сериал по «Первому каналу» в 18:20, пожарить курицу до хрустящей корочки и попросить меня сходить за овощами на грядку. Слегка сладковатый запах курочки с чесноком, шкворчание масла, стук ножа по доске, следом за которым в воздухе раскрывается аромат свежих овощей и укропа... Окно открыто нараспашку, сквозняк краткими порывами беспокоит огонь на конфорке. Главная моя проблема — как же дочитать Гоголя...

Я не стала мыть голову — приняла душ, скрутила волосы в пучок, натянула единственный сарафан, который взяла с собой, чтобы выжить в южной жаре, присела на бортик ванной и поняла, что у меня совершенно нет сил. Накатила тревога, раздражение, пупок будто затянуло в узел, низ живота заныл от боли, будто меня били ногами в берцах. Я сползла на пол и прислонилась к холодной стене.

— Ты чего там застряла? Сама же меня торопила!

— Сейчас, — еле выдавила я. — У тебя нет ибупрофена с собой?

— Пу-пу-пу, ща гляну... Если что, по дороге в аптеку зайдем. — Янис зашуршал сумкой, постучал в дверь. — Я нашел, выходи.

С усилием я поднялась на ноги и выползла из ванной.

— Красная или красная таблетка?

Попытка Яниса пошутить вызвала у меня только новый приступ раздражения. Я молча взяла капсулу, закинула в рот, запила большим глотком воды.

— Ничего смешного, тебе бы так, — пробурчала я.

— Ну прям пошутить нельзя, бу-бу-бу!

— Ладно, пошли, времени нет. Может, еще на завтрак успеем и поедем.

— Да, шеф, так точно, шеф. Ты босс!

Внутри головы прокатилась волна пульсирующей боли, череп будто стянуло от висков ко лбу. Я молилась ибупрофеновому богу.

Мы спустились в лобби отеля. Из ресторанной зоны доносился запах яичницы с сосисками, тостов и кофе, а также шум людей, которые хотели успеть в последние минуты завтрака навалить себе на тарелку все, что предлагал формат all inclusive. Через пару мгновений на нашем подносе оказалось все самое нужное: Янис обеспечил себя полным английским завтраком, я ограничилась черным кофе и тостом с маслом. У брата постоянно вибрировал телефон, пальцы спешно печатали ответ; еще сообщение, снова пальцы ищут буквы; стикер, гифка; крошки от тоста подают на стол, на ноги, на пол, вокруг тарелки уже начала собираться пустыня из хлебных песчинок... «Почему нельзя позавтракать без телефона?» — мысль назойливо повторялась и повторялась у меня в голове, и незаметно для себя я озвучила ее вслух.

— Что? — Янис на мгновение завис с тостом во рту.

— Это так важно? Без тебя там апокалипсис произойдет? Я думала, мы спокойно выпьем кофе, как-то настроимся, что ли. А ты только и делаешь, что торчишь в телефоне. — Я уже пожалела, что начала говорить — каждое слово спицей вонзалось в голову.

— В чем проблема-то? Я просто Алле отвечаю, что у нас все ок, что мы скоро в морг поедем.

Телефон снова завибрировал — звонок. Янис встал из-за стола и отошел к окну: «Привет! Да, я тоже соскучился...»

Я сделала еще глоток кофе, откусила тост и ощутила, что содержимое моего желудка стремительно хочет эвакуироваться. Глубокий вдох, ладонь пугливо прижалась ко рту, ноги понесли меня к ближайшей уборной. «Хорошо, что мы выбрали пятизвездочный отель!» — пронеслось у меня в голове, когда я приземлилась рядом с унитазом, который сверкал после влажной уборки, а вокруг пахло дорогой пряной свежестью. Во рту чувствовался привкус горечи и кислоты, желудок еще содрогался после нескольких извержений. Я поднялась, нажала на кнопку смыва, открыла кран, подставила под струю сначала одну щеку, потом вторую, промыла рот, намочила полотенце для рук и промокнула шею и зону декольте.

Я хотела позвонить Мистеру Дарси — но у него ведь рабочий день, а я не из тех женщин, что будут названивать то и дело. Все это чушь, конечно, я просто вечно старалась быть правильной. Не отвлекать, не мешать, не надоедать.

Синдром отличницы. Агнес Пять-с-плюсом. Вместо этого я написала сообщение: «Миу, как ты? Едем в морг. Грустно очень.» Почти мгновенный ответ был лучшим утешением: «Я-то ок, когда тебе можно позвонить?» Я поправила волосы, сделала пару глубоких вдохов, пошла назад к Янису, параллельно вбивая ответ: «Как закончим с делами, наберу — наверное, ближе к вечеру, чтобы спокойно поговорить. Ску-чашки. Не забудь поцеловать Му в носик».

Янис уже сидел за столом и дожевывал тост. Высокий, с густыми выющимися волосами и легкой небрежностью в стиле одежды — в детстве наша тетя называла его рекламным мальчиком. Взрослый, совсем уже не мальчик — и все же я видела в нем того малыша из прошлого, который почему-то одевается во взрослую одежду, ходит на работу, живет с женщиной... Живет своей жизнью. Своей. Давно нет общей комнаты с одинаковыми пледами на кровати, одного письменного стола... Есть редкие встречи и куча людей, с которыми приходится делить его время и внимание.

Брат оторвался от телефона.

— А я тебя уже потерял, ты где пропала? — Он намазал остатки кетчупа на сосиску и с аппетитом умял ее, почти не прожевывая.

— В туалет отходила. Как там Алла? — Попытка показаться милой провалилась, слова прозвучали как издевка.

— Слушай, я понимаю, что ты не очень любишь Аллу, но давай хотя бы не сейчас, а?

— Что я такого сказала? Просто спросила.

Да, она меня раздражала. Я могла бы придумать много причин почему, но, если не обманывать себя, главная была в том, что я ревновала. Ведь у брата теперь новый лучший друг, который, возможно, ему даже ближе, чем я. А я с каждым днем, неделей, месяцем, годом выцветаю из его жизни.

— Ладно, забей, у меня нет желания выяснять отношения. Все вокруг виноваты. Ты как всегда — все должно быть только по-твоему. — Янис резким движением сунул телефон в карман джинсов. Сделал глоток кофе. — Ты еще будешь есть?

— Нет. Поехали, сейчас такси вызову.

Меня обдало холодом, еще слово — и он бы услышал, как задрожал мой голос, а из глаз потекли бы слезы. Мне хотелось сказать, как я скучаю, как мне его не хватает, как многим хочется поделиться... Вместо этого я чаще всего говорила о том, как же я обижена, что он думает только о своей работе и Аллочке, не отвечает на звонки и сообщения, отменяет встречи в последний момент. Обвинения и обвинения.

В такси громко играло какое-то радио с длинным новостным блоком — я сразу же попросила выключить. Тишина и тошнотворный запах автомобильного освежителя — великолепное комбо перед тем, как тебе предстоит взглянуть на остывшее тело отца. «Вот где сейчас точно прохладно!» — пронеслось у меня в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.